

Глава 22: Джинчурики

Моя жизнь в роли Наруто Узумаки - Версия Гарема

"Какаши..." - начала Саске.

"Я знаю. Наруто... насколько ты уверен...?" - спросил он.

"...На 60% насчет моего друга... На 100% насчет виновника," - ответил я.

"Вижу... Выведите рабочих с моста и отведите Тазуну в безопасное место," - приказал он.

Я создал 20 теневых клонов, и они подобрали всех, к счастью, только оглушенных рабочих и отправились с ними в дом Тазуны. Они также должны были проверить, как там Сакура и остальные в доме.

Затем мы приблизились к двум противникам на мосту, и у нас состоялось противостояние.

"...Насколько ты уверена?" - услышал я, как Хаку спросила, выступив вперед и сняв маску.

"На 100%, без тени сомнения," - ответил я, вытащив кунай.

"...Господин Забуза... позвольте мне отсрочить исход этой битвы..." - попросила Хаку.

Он фыркнул и некоторое время смотрел на Хаку. "Насколько долго...?"

"Один час. Ни секундой больше, поняла?" - перебил он ее.

Я заметил, как дрогнули губы Хаку, прежде чем она кивнула. "Один час".

"Наруто..." - молча спросила Саске.

Я почувствовал, как задрожали мои губы. "Спарринг, когда час истечет... сражайся насмерть".

"Все нормально... сэнсэй... мы оба знали, что такое возможно..." - я отвернулся от команды и уставился вперед.

Забуза бросил в воздух кунай. Битва началась, как только металлический инструмент звякнул о бетонную поверхность моста.

Бой между Хаку и Саске был стремительным и интенсивным. Использовались тайдзюцу, ниндзюцу и метательные снаряды в разной степени эффективности, но это был скорее спарринг между потенциальными союзниками - или, по крайней мере, я хотел в это верить.

Подходил к концу час, а я становился все более взволнованным и настороженным по поводу исхода этой битвы. Саске была гораздо сильнее, конечно, но Хаку не сдерживалась, и я знал это, потому что ее лицо оставалось каменным и решительным на протяжении всего боя. Очень похоже на мою лучшую подругу.

В конце концов, час истек, и Какаши с Забузой начали свой бой, что ознаменовало конец перемирия и начало финальной битвы. Я чувствовал, как мои эмоции переполняют меня при мысли о том, что мне придется наблюдать, как мои друзья убивают друг друга. Я испытал чувство беспомощности, которого никогда раньше не ощущал, даже когда падал в океан с сотен метров высоты.

Ладони вспотели, сердце забилось быстрее, зрение стало расплывчатым, и я терял концентрацию. Я заставил себя стать свидетелем битвы и ее исхода, чтобы вмешаться, если потребуется, и спасти кого смогу. Но мне не представилась такая возможность. Какаши вот-вот убьет Забузу, как и должен был в оригинале, а Хаку выбрала пожертвовать своей жизнью ради его.

Я бросился за ней, пытаясь ее спасти, но опоздал на мгновение, и Хаку была убита у меня на глазах. Она улыбнулась, сказав, что сожалеет, окровавленная и обреченная, но все же хотела, чтобы я знал, что она счастлива повстречать меня и в последний раз послужить своему господину. Я был потрясен, но поле боя не место для слез.

Я собирался забрать ее тело, но был прерван, когда наконец показалась отвратительная рожа Гато. В отличие от оригинала, Забуза не попытался рассечь тело Хаку после того, как она его спасла, но он также не вмешался, когда этот толстый кусок дерьма попытался пнуть ее тело.

Ему и не пришлось. Я сделал это сам.

Волна ярости и гнева вскипела из глубин моего существа, и меня окутало облако мощной красной чакры. Я проделал кулаком дыру в груди толстяка прежде, чем он успел поднять ногу для пинка. На этом я не остановился. Нет. Я заставил каждого из этих ничтожных мешков с мясом заплатить за то, что стали причиной обстоятельств, приведших к смерти моего друга.

Я не оставил в живых никого. Я никому не позволил сбежать. Я никому не позволил умолять. Мост был залит кровью его ненавистников, кровью тех, кто заразил это мирное селение своей грязью и жадностью, своей порочностью. Я издевался над их жалкими попытками защититься. Я уничтожил лодку, которую они приготовили для побега, я сделал все, чтобы стереть все следы их присутствия на этих землях. Навсегда.

Я с наслаждением пережил тот момент, упивался их болью, их горем, их ужасом. Я стоял под красным дождем в aftermath и позволил чувству власти и гнева вымыться из моего тела. Я

запечатлел в памяти картину последствий. Тела, лица... внутренности... все это выжглось в моем мозгу, как изображение для восхищения в моих снах.

А затем, после того как было свершено правосудие, я подошел и опустился на колени перед телом Хаку, после чего дал волю слезам и зарыдал.

<http://tl.rulate.ru/book/104004/3682533>